
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94 (3)

DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-205-211

ХЕРОНЕЙСКИЙ ЛЕВ: К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ УСТАНОВКИ ПАМЯТНИКА

THE LION MONUMENT OF CHAIRONEIA: IDEOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE MONUMENT REVISITED

А.С. Новосильнов, Н.Ю. Сивкина
A.S. Novosilnov, N. Yu. Sivkina

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Nizhny Novgorod State University,
23 Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

Аннотация

В 338 г. до н.э. вблизи Херонеи произошло одно из самых знаменитых сражений в истории древней Греции. Македонский царь Филипп II разгромил объединенные силы греков. На месте сражения был установлен памятник – статуя льва («Херонейский лев»). Однако в источниках сохранилось мало сведений об этом событии. Мы не знаем, кому принадлежит инициатива возведения памятника: всем грекам, фиванцам, Кассандру? Неизвестна дата установки: после битвы при Херонее, в конце IV до н.э.? Много вопросов вызывает и локализация захоронений павших македонян и греков. В статье анализируется вопрос об идеологическом обосновании установки монумента. Авторы считают, что македонский царь Филипп II мог выступить с инициативой воздвижения этого памятника. Херонейский Лев должен был символизировать единение греков и македонян.

Abstract

In 338 BC, near the town of Chaironeia was one of the most famous battles in the history of ancient Greece. The Macedonian king Philip II defeated the united forces of the Greeks. On the site of the battle was set up the monument topped by a colossal stone Lion. The accepted identities are confirmed (the mound covering a mass cremation, by the Kephisos, is that the Macedonian dead, the Lion monument, that Thebes are dead, in all probability a Sacred group). However, sources have very little information about this monument. We don't know who initiated the erection of the monument: all the Greeks, Thebes, Cassander? The date of installation is unknown: after the battle of Chaironeia or much later than 338 BC? The localization of the graves of the fallen Macedonians and Greeks also raises many questions. The article deals with the question of ideological justification of the monument installation. The authors believe that the Macedonian king Philip II was able to take the initiative of setting this monument. The Lion of Chaironeia was supposed to symbolize the unity of the Greeks and Macedonians.

Ключевые слова: Эллинистическая Македония, битва при Херонее 338 г. до н.э., Херонейский Лев, македонский царь Филипп II, Кассандр.

Keywords: Hellenistic Macedonia, the battle of Chaironeia 338 BC, the Lion monument of Chaironeia, Macedonian king Philip II, Cassander.

Установление памятника павшим в сражении бойцам – давняя традиция. А если принять во внимание, что местоположение многих древних сражений трудно определить, то остатки подобных сооружений и их восстановление помогают локализовать место битвы. Как известно из трудов древних авторов, Херонейское сражение 338 г. до н.э. произошло недалеко от города Херонея в Беотии и закончилось полным разгромом афинских союзников (Diod. XVI. 87; Just. IX. 4–11). На месте этой битвы и сейчас стоит статуя величественного льва. Античные авторы неоднократно упоминают об этом памятнике. Так, по свидетельству Страбона, «Херонея... Здесь показывают также памятник павшим в битве, воздвигнутый за общественный счет» (Strabo. IX. 2. 37). К сожалению, из приведенного фрагмента не ясно, поставлен ли памятник всем союзникам, павшим в битве, или только беотийским солдатам, или вообще всем погибшим с обеих сторон воинам. Павсаний отмечает, что, «когдаходишь к городу, то тут встречается братская могила фивян, погибших в битве с Филиппом. На этой могиле нет никакой надписи, но над ней поставлено изображение льва; это символ мужества этих людей; а надписи, думаю, нет потому, что судьба, посланная им божеством, не соответствовала их решимости» (Paus. IX. 40. 5). Интерес для данного исследования представляет именно этот пассаж Павсания.

После победы при Херонее македонский царь Филипп II был занят урегулированием отношений с греческими полисами. Но его отношение к двум лидерам антимакедонской коалиции – Афинам и Фивам – было кардинально противоположным. Македонский царь, проявив инициативу, предложил Афинам почетный выход из войны [Roebuck, 1948, p. 80 ff.; Фролов, 1974; Ellis, 1976, p. 199 f.; Кондратюк, 1977, с. 29; Cawkwell, 1978, p. 167; Фролов, 1983, с. 184; Hammond, 1994, p. 157; Jehne, 1994, S. 143]: он без выкупа возвратил пленных, передал тела погибших в битве при Херонее для погребения и направил послом в Афины своего сына Александра и своего полководца Антипатра для заключения мира (Just. IX. 4. 4-5). Иную позицию занял Филипп по отношению к Фивам, которые были достаточно сильны и могли по-прежнему претендовать на гегемонию в Греции, и поэтому ослабление этого города диктовалось стратегической необходимостью [Roebuck, 1948, p. 79 f.; Фролов, 1974, с. 48; Ellis, 1976, p. 199; Кондратюк, 1977, с. 30; Cawkwell, 1978, p. 167; Фролов, 1983, с. 184; Hammond, 1994, p. 156; Jehne, 1994, S. 142].

Если статуя Льва была поставлена фиванскому отряду, то возникает вопрос: почему, учитывая намерения царя унижить Фивы, Филипп не воспрепятствовал установлению памятника побежденным фиванским воинам (пусть даже и героически павшим)? Конечно, воздвижение памятника в честь павших македонских солдат, воинов-победителей, могло вызвать открытое недовольство греков, на такой шаг Филипп II едва ли решился бы ввиду его намерений заключить мир. В таком случае, почему статуя не могла быть памятником всем павшим в этом сражении? Почему памятник был поставлен в честь именно «Священного отряда» фивян? Диодор сообщает, что «многие из беотийцев были убиты» (Diod. XVI. 85 – 86), ведь в битве сражались и другие члены Беотийской лиги. По мнению Н. Хаммонда, «в зените своей мощи около 365 г. Беотия, вероятно, имела не менее 13 тысяч гоплитов и 1 500 конницы» [Хаммонд, 2008]. По словам Й. Уортингтона, для Херонейской битвы «Беотия выставила 12 000 гоплитов» [Уортингтон, 2014, с. 202], в состав которых входили и 300 воинов «Священного отряда». Плутарх отмечает, что в сражении «Священный отряд» был уничтожен полностью, вероятно, подчеркивая не только смелость и мужество павших, но и намекая на весь масштаб разразившейся для греков катастрофы: «... после битвы Филипп, осматривая трупы, оказался на том месте, где в полном вооружении, грудью встретив удары македонских копий, лежали все триста мужей» (Plut. Pelop. 18). Примечательно, что Плутарх «был большим беотийским и, в частности, херонейским патриотом и с любовью служил своей родине» [Бузескул, 2005, с. 270], но он не упоминает о погребении земляков.

Плутарх утверждает, что в «Священный отряд» входило 300 воинов, и все они погибли. Похоронить их должны были всех вместе. Если это так, то почему в захоронении обнаружены останки только 254-х тел [Cawkwell, 1978, p. 147]? Возможно, при «сборе»

погибших могли не обнаружить тела остальных воинов. Но Плутарх категоричен: «лежали все триста мужей» (Plut. Pelop. 18).

Можно предложить несколько причин отсутствия останков тел, беря за основу общепринятое число воинов – 300 человек. Это отсутствие некоторых на поле брани по причине болезни; гибель вне пределов расположения отряда (например, прикрывали отход основных сил); были ранены, но остались в живых; бежали вместе с основными силами и т.д. Но против всего этого, опять же, выступают данные Плутарха. Едва ли следует говорить о «красоте и изяществе слога» автора, приверженности литературной традиции, «округлении» численности отряда. Хотя в источниках часто упоминаются «отборные отряды», численность которых составляла три сотни человек (достаточно вспомнить 300 павших воинов спартанского царя Леонида)¹, эта цифра была вызвана ограниченными возможностями городов по содержанию отборных солдат. Таким образом, точное количество живых и погибших воинов нам не известно.

Много вопросов вызывает и установка самого памятника. Вот что говорил Дж. Коувелл: «Это один из самых запоминающихся памятников и один из самых загадочных. Нет записей, кто возвёл его и когда. У Плутарха, для которого Херонея была родным городом, нет никакого намека на него» [Cawkwell, 1978, p. 147]. Действительно странно, что, описав сражение, Плутарх не заострил своё внимание на такой приметной статуе. Житель любого города охотно укажет на местную памятную достопримечательность. Среди античных авторов упоминает о статуе льва только Павсаний (Paus. IX. 40. 5).

А.В. Куркин замечает, что «между захоронением воинов “Священного отряда” (либо других фиванских солдат) и местом, где они, согласно многочисленным реконструкциям, приняли свой последний бой, пролегает расстояние почти в 4 км» [Куркин, 2009]. Возникает закономерный вопрос: действительно ли место, на котором стоит статуя льва, является местом захоронения фиванского «Священного отряда»?

Интересен еще один фрагмент у Плутарха: «...и в наши дни показывают старый дуб у реки Кефиса – так называемый дуб Александра, возле которого стояла его палатка; неподалёку находятся могилы македонян» (Plut. Alex. 9). Можно предположить, что местное население гордилось «соседством» с этими историческими «объектами». Получается, что внимание автора I в. н.э. больше привлекает «дуб», а не статуя льва. Но путешественник II в. н.э. Павсаний упоминает надгробный памятник. В 86 г. до н.э. при Херонее произошло ещё одно сражение, в ходе которого Сулла разбил Архелая, главнокомандующего войсками понтийского царя Митридата VI. Описание битвы есть у Плутарха (Sul. 17–19), Аппиана (Sug. 42–43) и Фронтинна (II. 3. 17; II. 8. 12). Но во всех трёх текстах статуя льва не упоминается.

По словам Джона Ма, «Лев был обнаружен 3 июня 1818 г. четырьмя английскими путешественниками... (Они) идентифицировали огромную лапу как часть Льва, описанного Павсанием, далее посчитав Льва памятником Священному отряду» [Ma, 2008, p. 79]. В последующие годы проект по реконструкции памятника то возобновлялся, то застопоривался. Финальный этап работ начался в 1902 г. «В 1904 г. работы были закончены. То, что мы теперь видим в Херонее, является памятником 1902 г.» [Ma, 2008, p. 80].

Так кто же был инициатором установления этого памятника? Им мог быть сын Антипатра Кассандр. Диодор указывает, что в 316 г. до н. э. Кассандр «пересек Фессалию ... и вступил в Беотию. Призвав со всех сторон выживших фиванцев, он предпринял восста-

¹ При Платеях Геродот (IX.21) упоминает 300 отборных афинян и афинских лучников, которые убили персидского полководца и вступили в бой за его тело. При Платеях на стороне персов храбро сражаются 300 отборных фиванцев (Hrdt. IX. 67). Диодор (XII. 41): «Таким образом, когда беотийцы отправили ночью 300 отборных солдат, изменники пропустили их внутрь стен и сделались хозяевами города». В битве при Делии «со стороны беотийцев, фиванцы занимали левый фланг, орхоменцы – правый, а центр линии состоял из других беотийцев. Первая линия войска состояла из так называемых избранных «колесничих и их слуг», числом в три сотни»... (Diod. XII. 69). В битве при Мантинее (Xen. Hell. VII. 4. 13): «Против них (*аргосцев*) выступил элейский «отряд трехсот» и еще четыреста человек».

новление Фив, полагая, что это была весьма удачная возможность основать еще раз город, который был широко известен не только за его достижения и мифы, которые рассказывали об этом, и он предположил, что этим милостивым действием он приобретет бессмертную славу» (Diod. XIX. 53). По словам Джона Грэйнджера, «повторное основание Фив Кассандром и его строительство городов на месте разрушенных городов Халкидики были отказом от политики Филиппа и Александра» [Грэйнджер, 2010, с. 196].

«На двадцатый год после этого¹, Кассандр, в своем стремлении к славе, предварительно получив согласие беотийцев, восстановил город для тех фиванцев, которые выжили. Многие из греческих городов поддержали переселение, как из-за своей жалости к несчастным, так и из-за славы города. Афиняне, например, перестроили большую часть стены, а другие греки, не только из Греции, а также из Сицилии и Италии, возвели некоторые здания в меру своих возможностей, и другие посылали деньги на насущные потребности. Таким образом, фиванцы восстановили свой город» (Diod. XIX. 54). Павсаний добавляет, что «в сооружении Фив самое горячее участие приняли афиняне, но помогали им и мессенцы и аркадяне, занимавшие Мегалополь» (Paus. IX. 7. 1). Но, по мнению Грэйнджера, «остальные беотийцы неодобрительно отнеслись к этому» [Грэйнджер, 2010, с. 194].

Джон Ма считает, что именно Кассандр мог быть причастен к установке статуи льва [Ма, 2008, р. 84]. Такое предположение вполне допустимо, ведь сын Антипатра занимался основанием городов в ранний период своего правления, в 316 и 315 гг. до н.э. [Грэйнджер, 2010, с. 194]. Но едва ли у него было время и возможности отслеживать и финансировать ход работ в Беотии.

Возможно, что сами фиванцы в то время выступили с инициативой установки памятника, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами и расположением к ним Кассандра. Здесь стоит обратиться к истории – вспомним роль фиванцев в сражении 480 г. до н.э. при Фермопилах. По словам Геродота, фивяне перешли на сторону персов (Hrdt. VII. 205, 233). При описании битвы Геродот упоминает «каменного льва в честь Леонида» (Hrdt. VII. 225). В битве рядом с небольшим городком Платеи в Беотии (479 г. до н.э.) фивяне выступали как советники, друзья и соратники персов в борьбе против остального эллинского мира. Отряд Леонида приблизил поражение персов, и эллины отстояли свою свободу. Такой памятник, как статуя льва, в знак уважения и почитания павшим героям, в данном случае вполне логичен. В последующей истории Фив было много славных моментов, но пятно позора должно было остаться. Джон Ма считает, что «Священный отряд» в Херонейском сражении «стёр позор фивян 480–479 гг. до н.э.» [Ма, 2008, р. 85]. Поэтому установление подобной статуи было символично. Но это не значит, что остальные представители эллинского мира позволили бы им воздвигать памятник, именно как символ своего героизма. Кроме того, существенным должен был оставаться и финансовый вопрос. Поскольку город восстанавливался при поддержке и помощи других греков, было бы несправедливо по отношению к бывшим союзникам по битве прославлять лишь доблесть «Священного отряда».

Заставляет задуматься и локализация захоронений. «Насыпь на равнине Херонеи является македонской могилой... Место расположения – вне фактического поля битвы, на северном краю равнины, ближе к руслу реки» [Ма, 2008, р. 77]. В «македонской насыпи» обнаружены «человеческие останки после кремации; толстый слой пепла, площадью 100 кв. м, толщиной 75 см в центре, что подразумевает значительное число погибших македонян» [Ма, 2008, р. 74]. В «македонском» кургане, помимо кремированных останков погибших воинов, обнаружены несколько бронзовых монет, керамика, амфоры, предположительно с вином, оружие [Ма, 2008, р. 77]. Похороны отборного отряда Фив были просты, но следы захоронения, расположенные в центре равнины, были видимы и [Ма, 2008, р. 83].

В таком случае получается, что Филипп разрешил хоронить погибших врагов (предварительно взяв за них выкуп) в центре поля битвы, после самой оглушительной

¹ Имеется в виду разрушение города Александром в 335 г. до н.э.

своей победы. А для кремации македонских павших выбрал место подальше и поскромнее. Джон Ма объясняет это тем, что кремация, а затем и захоронение погибших македонян сопровождалось парадом войск и последующим пиром [Ма, 2008, р. 77]. Естественно, захоронение останков «Священного отряда» не могли тайно осуществить родственники и близкие погибших. Такое количество павших невозможно было погрести незаметно от победителей, тем более в центре равнины. Можно также добавить, что промакедонски настроенные «новые» силы в Фивах были заняты «чистками» противников Македонии (Just. IX. 4. 6–10) и вряд ли могли в то время принять решение об установке статуи.

Никто из исследователей не выдвигал гипотезы о том, что инициатором возведения статуи льва мог быть македонский царь Филипп II, что вполне закономерно объясняется его отношением к Фивам. Но, на наш взгляд, это предположение имеет под собой серьезное обоснование. Ведь «не царем Греции он велел называть себя, а ее вождем» (Just. IX. 4. 2). Вполне вероятно, что Филипп, стремясь создать общегреческий союз – Коринфскую лигу, был вынужден урегулировать свои отношения с греками. Новая система отношений должна была сохранять его господство над Грецией, но при этом греки не сильно страдали бы от угнетения, постепенно смиряясь со своим положением [Фролов, 1983, с. 187]. Возможно, до созыва общегреческого конгресса, оформившего заключение союза между македонским царем и греками, или на предварительной встрече представителей эллинских городов, на которой те выслушали предложения Филиппа об «Общем Мире» и синедрионе [Ryder, 1965, р. 153 f.], царь мог предложить забыть все былые распри и, в качестве символа вечного мира, установить статую льва над могилой самых выдающихся и отличившихся в этой битве воинов с обеих сторон. Фундаментом этой гипотезы могут служить слова Страбона: «памятник павшим в битве, воздвигнутый за общественный счет» (Strabo. IX. 2. 37). Тогда вполне объяснимо и отсутствие надписи на статуе. Филипп II просто обязан был зафиксировать свою победу для потомков, но, являясь искусным политиком, постарался завуалировать её под общеэллинский символ единения под своей гегемонией. Таким символом и могла стать статуя льва. Едва ли такая инициатива Филиппа могла вызвать возражения греков. В таком случае, надпись делать не стали по двум причинам: во-первых, в надписи следовало отметить, кому принадлежала инициатива установления памятника, что косвенно прославляло бы мудрость македонского правителя; во-вторых, перечисление городов, понесших потери в сражении, могло вызвать нежелательную для македонян реакцию – постоянное напоминание о разгроме и потере независимости Греции. Но именно из-за отсутствия надписи через много лет молва «приписала» статую к месту гибели и братской могиле «Священного отряда».

Так всё же, почему в источниках статуя льва упоминается только во II в. н.э.?! По нашему мнению, ответ прост: Филипп победил, установил памятник (в качестве символа вечного мира) и упоминание о нем было скорбью для многих последующих поколений эллинов, т.к. день эпохальной битвы при Херонее «был для всей Греции концом ее славного господства и ее издревле существовавшей свободы» (Just. IX. 3, 5). Именно поэтому у Плутарха, для которого Хероней была родным городом, нет никакого намека на статую льва. И именно поэтому описание битвы у древних авторов очень скудно. Даже Диодор, который даёт одно из самых подробных описаний Херонейского сражения, видимо, следуя устоявшейся традиции, написал о погибших афинянах (Diod. XVI. 85–86), но не упоминает о погибших воинах армии Филиппа II.

Косвенным подтверждением нашей версии о причастности Филиппа II к установке Херонейского льва может послужить еще одно обстоятельство. В 1913 г. на территории древнего Амфиполя была обнаружена ещё одна разрушенная статуя льва. В 1930-х гг. она была восстановлена. Анализ свидетельств указывает на то, что статуя установлена в последней четверти IV в. до н.э. [Broneer, 1941, р. 49] Оба льва (и Херонейский, и Амфипольский) похожи, но это можно объяснить тем, что при реконструкции Амфипольского льва некоторые части (в частности, лапы) [Broneer, 1941, р. 9] были «скопированы» со статуи

Херонейского льва. Считается, что Амфипольский лев ранее возвышался над гробницей знатного и почитаемого македонского военачальника [Brouce, 1941, p. 54].

В пользу теории того, что к установке Амфипольского и Херонейского львов Филипп или Александр имеют непосредственное отношение, говорит и внутреннее убранство гробницы в Амфиполе. Следует обратить внимание на мозаичное полотно, на котором изображено, как Плутон похищает Персефону [Miller, 2016]. Поражает сходство с одноимённой картиной из «Царских гробниц», расположенных в древней столице Македонии – в Эгах, современном посёлке Вергина, обнаруженной Манолисом Андроникосом. 8 ноября 1977 г. он раскопал могилу, предположительно, Филиппа II Македонского и тем самым совершил одно из величайших археологических открытий XX века.

Единственным отличием между картинами в этих двух захоронениях является количество запряжённых в колесницы лошадей – на картине в гробнице Вергины их четыре, а в мозаике гробницы Амфиполя их две. Создаётся впечатление, что при создании мозаичного полотна художники использовали уже готовую картину из гробницы в Эгах в качестве образца. Вполне вероятно, что и при изготовлении статуи льва в Амфиполе мастера пользовались уже готовыми шаблонами, внося в произведение лишь незначительные изменения, которые никоим образом не отразились на композиции в целом.

Есть версия, что согласно общей концепции развития скульптуры IV века, мы должны ожидать, что более поздний памятник будет более низкого качества [Brouce, 1941, p. 59] и по внешнему облику, и по мастерству исполнения. Но в случае со статуями Львов Амфипольский памятник кажется изящнее Херонейского. Едва ли верно объяснять эти различия тем, что «Фивы... должны были довольствоваться второразрядным скульптором, так как они не имели возможности нанимать лучшие таланты» [Brouce, 1941, p. 59], поскольку, вероятнее всего, не Фивы выступили заказчиком статуи. Кроме того, не стоит придавать большое значение общей тенденции в развитии греческой скульптуры. Амфипольский лев мог отражать новшества эллинистической эпохи.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно предположить, что инициатива установления Херонейского льва принадлежала македонскому царю Филиппу II в связи с намерением создать общегреческий союз и необходимостью сохранить мир и спокойствие в регионе. Памятник всем павшим в Херонейском сражении воинам должен был стать символом единения греков и македонян.

Список литературы References

1. Бузескул В.П. 2005. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., Изд. Дом «Коло», 672.
1. Buzeskul V.P. 2005. Vvedenie v istoriiu Gretsii. Obzor istochnikov i ocherk razrabotki grecheskoi istorii v XIX i v nachale XX v. Vstup. st. i obshch. red. prof. E. D. Frolova. SPb., Izd. Dom «Kolo», 672 (in Russian).
2. Грэйнджер Дж. 2010. Империя Александра Македонского. Крушение великой державы. М., Астрель, 352.
2. Greindzher Dzh. 2010. Imperiia Aleksandra Makedonskogo. Krushenie velikoi der-zhavy. M., Astrel, 352 (in Russian).
3. Кондратюк М.А. 1977. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30-20-х гг. IV века до н. э. ВДИ. 2: 25–42.
3. Kondratiuk M.A. 1977. Korinfskaia liga i ee rol v politicheskoi istorii Gretsii 30-20-kh gg. IV ve-ka do n. e. VDI. 2: 25–42 (in Russian).
4. Куркин А.В. 2009. Сражение при Херонее, 338 г. до н.э. (Опыт реконструкции на основе критического анализа источников). URL: <http://www.fieldofbattle.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=574>

- Kurkin A.V. 2009. Srazhenie pri Kheronee, 338 g. do n.e. (Opyt rekonstruktsii na osnove kriticheskogo analiza istochnikov). URL: <http://www.fieldofbattle.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=574>
5. Уортингтон Й. 2014. Филипп Македонский. СПб.-М., ЕВРАЗИЯ, 396.
Uortington I. 2014. Filipp Makedonskii. SPb.-M., EVRAZIJa, 396 (in Russian).
6. Фролов Э.Д. 1974. Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады. ВДИ. 1: 45–62.
Frolov E.D. 1974. Korinfskii kongress 338/7 g. do n.e. i obieedinenie Ellady. VDI. 1: 45–62 (in Russian).
7. Фролов Э.Д. 1983. Панэллинизм в политике IV века до н.э. Античная Греция. Т.2. М., Наука, 157–207.
Frolov E.D. 1983. Panellinizm v politike IV veka do n.e. Antichnaia Gretsia. T.2. M., Nauka, 157–207 (in Russian).
8. Хаммонд Н. 2008. История Древней Греции. М., Центрполиграф, 704.
Khammond N. 2008. Istoriia Drevnei Gretsii. M., Tsentrpoligraf, 704 (in Russian).
9. Broneer O. 1941. The Lion Monument at Amphipolis. American School of Classical Studies at Athens. Cambridge, Massachusetts, Harvard university press, 76.
10. Cawkwell G. 1978. Philip of Macedon. L.–Boston, Faber & Faber, 215.
11. Ellis J. 1976. Philip II and macedonian imperialism. London, Thames and Hudson, 312.
12. Hammond N. 1994. Philip of Macedon. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 235.
13. Jehne M. 1994. Koine eirene: Untersuchungen zu den Befredugs- und Stabilisierungsbe-mühungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr. Stuttgart, Steiner, 320.
14. Ma J. 2008. Chaironeia 338: Topographies of commemoration // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 128, 72–91. URL: <http://www.jstor.org/stable/40651724>
15. Miller M. 2016. New Revelations Reignite Debate About Owner of the Lavish Amphipolis Tomb. Ancient Origins. 3 March. URL: <http://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/new-revelations-re-ignite-debate-about-owner-lavish-amphipolis-tomb-005461>
16. Roebuck C. 1948. The settlements of Philip II with the Greek states in 338. Classical Philology. Vol. 43: 73–92.
17. Ryder T.T.B. 1965. Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, Oxford University Press, 184.